

Пуреховская О.В.

«ПРОЗА СИМЕОНА ПОЛОЦКОГО В КОНТЕКСТЕ РУССКОГО БАРОККО 17 ВЕКА»

В статье предлагается комплексный анализ проповедей Симеона Полоцкого как прозаического жанра в контексте московского барокко 17 века в литературоведческом, философском, духовно – религиозном аспектах.

Необходимость поставленной проблемы обусловлена отсутствием целостного исследования прозаического наследия Симеона Полоцкого, односторонним подходом к изучаемому вопросу, целесообразностью восстановления творческого портрета Симеона и облика эпохи русского барокко 17 века.

Теоретической основой исследования следует считать работы А.С.Елеонской, Л.Н.Майкова, В. Попова, А.Н.Робинсона. Однако в них внимание, в основном, уделяется стилистическому оформлению проповедей Симеона, либо этот жанр рассматривается исключительно с религиозной точки зрения.

Практическая значимость исследования видится в том, что материал статьи может быть использован на лекционных занятиях, спецкурсах, спецсеминарах по древнерусской литературе. Итоги исследования могут послужить источником сведений для историков, культурологов, а также всех интересующихся богословием, историей русской Церкви.

Статья посвящена следующим нерешенным проблемам: специфика русского барокко в прозе Симеона Полоцкого, соотношение православия и просвещения в творческом методе Симеона, сочетание просвещения ума с просвещением рассудка в ценностной системе России 17 века.

Целью статьи является многогранное осмысление части прозаического наследия Симеона Полоцкого и уяснение места прозы Симеона в публицистике 2-й половины 17 века. В статье поставлены следующие задачи:

- 1) выявить особенности прозы Симеона Полоцкого;
- 2) уяснить причины обращения Полоцкого к проповеди;
- 3) вспомнить о двух типах просвещения в России 17 века.

Ценностная система России 17 века формируется в условиях «острого внутрикультурного дуализма» [4, с.24].

Это было одно из следствий **новой** философии творчества, о чем писал **В.О.Ключевский**: «Из скромной и трудолюбивой пчелы он [русский человек 17 века] превратился в кичливого празднословия, исполненного «фразерства и гордыни», проникнутого нехристианской нетерпимостью» [5, с.309].

А.С.Демин четко сформулировал, как «с 17 века... пронзительное чувство писателей стало изливаться на...единичные предметы..., право голоса в литературе получил не только «государственный» [или монашеский] человек, но и мелкий хозяйчик ...» [5, с.311].

Творческая манера Симеона Полоцкого, оформившаяся в контексте «расколотой структуры», отражает черты «двойной культуры» России 17 века [4, с.25].

Иеромонах Симеон Полоцкий был, несомненно, апологетом Православия. Духовное состояние России 17 века требовало необычного подхода, поэтому Симеон привносит свои ученые изыскания и в возрожденную им живую проповедь. Мыслил же он в правильном направлении, ибо, как отмечает **И.К.Смолич**, в 17 веке еще «*литургическая жизнь была средоточием религиозности той эпохи: она заменяла догматическое сознание и знание догматов, в ней заключалась вся вера народа, это было самое чувствительное место верующего сердца*» [11,с.237]. Для реализации задуманного Симеон предстает ученым – проповедником, потому что еще Паисий Лигарид «корень духовного недуга» России 17 века видел в отсутствии образованности. **В.Ф.Певницкий** заметил: «*ученый или профессор разрабатывает почву, а проповедник берет и передает то, что возрастает на этой почве. Ученый углубляется в кладезь мудрости, а проповедник наполяет народ той водой, которая извлекается из этого кладезя*» [12,с.45]. Будучи теоретиком, Симеон предлагает проповедь как вид ораторского искусства; как иеромонах, Полоцкий рассматривает ее как жанр церковно – религиозной словесности. Именно у святителя Иоанна Златоуста Симеон учится быть проповедником, т.е. излагать мысли «ясно, просто, популярно, и вместе учено, умно, вполне прилично и важно» [12,с.28].

Примечательно, что в проповедях Симеона присутствует «двойное одушевление: одушевление божественной истиной через глубокое проникновение ею и одушевление сострадательной любовью к народу, нуждающемуся в познании и усвоении этой истины» [12,с.37].

Тем не менее, например, **Л.В.Левшун** замечает, что Симеону Полоцкому было свойственно аналитическое осмысление священного текста, потому что «*наибольший интерес вызывают у проповедника наименее заметные и наименее значимые для раскрытия духовного смысла эпизода детали*» [5,с.326]. С последним суждением трудно согласиться, ибо, хотя Симеон и подходит к тексту критически, евангельский сюжет все же остается основанием для душеполезного наставления пастве и предметом богословствования.

Симеон был не просто воспитателем царских детей, но и выполнял при дворе миссию «старческого окопления»: древнерусский «старец, как личным опытом прошедший школу трезвения и умно – сердечной молитвы и изучивший благодаря этому в совершенстве духовные психические законы, как уже лично достигший бесстрастия, становится способным руководить новоначальным... в его «невидимой брани» на

пути к бесстрастию. Он должен уметь проникать до самых глубин души человеческой, видеть в ней самое зарождение зла, а также причины этого зарождения, устанавливать точный диагноз болезни и указывать точный способ лечения. Старец – искусный духовный врач. Он должен ясно видеть «устройство» своего ученика, т.е. характер его души и степень духовного развития и обладать даром рассуждения и «различения духов» [3, с.44].

Если в Древней Руси учитель и ученик общались без посредников и свидетелей, то в 17 веке такой посредник появился: это текст, который заменил «учительного» человека.

Л.Н.Майков подчеркивает: *«Развитие мыслей у Симеона обильно; но обилие это служит не к тому, чтобы полнее доказать выставленное положение, а к тому, чтобы осветить предмет возможно разностороннее, возбудить возможно большее количество вопросов и дать на них ответы»* [6, с.60]. *«Эта неустанная пытливость его ума нередко увлекает его за пределы точного познания и положительных догматов, и тогда автор пускается в предположения и гадания более или менее фантастические... не знаешь, чему более удивляться – изобретательности ли вопросов, или изворотливости ответов»* [6,с.61]. Иллюстрацией является «рассуждение о благовести» из «Венца веры»: «...к какому ангельскому чину принадлежит Гавриил? Ответ: многие считают Гавриила во втором чине архангельском..., но вероятнее, что благовестник был из начальных ангелов... От беседы Евы с аггелом лукавым падение мира начася; от беседы вторья Евы, преблагословенныя Девы Марии, со благим аггелом и исправление мира приять си начало. И тако, темже путем, имже паде человек по смерти, в живот возвратися» [6, с.61-62].

Детализация служит раскрытию сути поучения и упрощает его восприятие новым сознанием 17 века. Например, в «Слове первом в день Преображения» из «Вечери душевной» Симеон Полоцкий обращается к следующей детали: Христос взял с собой трех учеников, Петра, Иоанна, Иакова. Проповедник объясняет с разных точек зрения: юридической (устаи двух или трех свидетелей подтверждается всякое слово. Мф. 18.16), экклезиологической (три апостола – три столпа Церкви), символической («знаменуются чрез сия три апостолы три роды свидетельств о Христе твореных: чудеса, кровь и учение»), догматической («да научимся, аще никтоже может взыти на гору небесную и к богомыслию воздвигнутися подобает») [9, л.431-432].

Следует заметить, что Симеон Полоцкий в проповедях сочетает два способа изображения, принятых древнерусской литературой: во-первых, акцент на «воспроизведении единичных фактов» свидетельствует о познавательной (сущностной) ценности текста, во-вторых, принцип «последовательного преобразования» приближает нравоучительное к эстетическому.

В предисловии к «Обеду душевному» автор обращается к «читателю благочестивому»: *«Умыслих аз гладным православных душам духовную трапезу обед душевный, от пищ слова божия уготовати, и представи во дни воскресения, на вселетное поприще, в насыщение спасенное: да отвергше брашна непользана душевная, ядят сей обед душецелбный, душекрепительный, и душеспасенный, яко от брашен благих уготованный, - наставляя, - ты благочестивый читателю приими любезна обед сей простоуготованный, и яждь здрав во спасение ти душевное, яждь взимая рукама ума твоего, прежувай зубами разсуждения, и поглощай в стомах памяти твоея, и будет ти во ползу...»* [10, с.167-167].

В 16 веке проф. богословия **Гиперий** выдвигал следующий принцип: *«Светская риторика учит тому, как нужно составлять речь и действовать оратору, а гоимлетика излагает то, что проповедник должен предлагать народу: там форма – главное, а здесь – материя»* [12, с.39]. Симеон Полоцкий в 17 веке ставит гоимлетику в зависимость от риторических систем.

Проповеди Симеона Полоцкого объемны, а проповеднику следовало избегать длиннот, однако, *«содержанием проповеди, - говорит В.Ф.Певницкий, - может быть все, во что сердцем веруется в правду, и что усты исповедуются во спасение...»* [12, с.41].

Отличительная черта проповедей Симеона – изобразительность, которая проявляется в историзме, метафоризме и сравнениях. По наблюдению **В.Попова**, *«представляя отвлеченную истину в образе., Полоцкий действовал на воображение необразованного слушателя и упрощал свою проповедь»* [7,с.96]. Изобразительность позволяет назвать отдельные проповеди Симеона богословскими трактатами. Например, в «Слове первом в неделю четвертую по Пасце о расслабленном» он использует прием разделения родового понятия на видовые, сопоставляя фигуры Христа, Диогена и расслабленного: *«Между безчисленным рода человека множеством, неудоб в мире во зле лежащем обретается человек, добротой совершенный... Но во человецех благости не исповедал, иже вси на лукавая уклонилися бяху... Искаше древне еллинскаго любу мудрия рачиталь Диоген, во многонародном граде со свещею единого человека и не получи искомаго, яко вси приложишася скотом несмысленным, и уподобишася им. Ожидаше в иудейстем сонмище во время странствия Христова и нынешний расслабленный чрез толи лет благаго человека, при овчей купели, иже бы его немощи подал руку помощи и не обрете не единого...»* [10,с.167]. При этом проповедь распадается на две части, и вторая являет толкование, причем автор позволяет наряду со святоотеческими изъяснениями поместить свое суждение: *«Паки нравоучительно, во Иерусалиме купель знаменует нам в церкви душу всякаго человека, могущую наполниться водою премудрости... Сия имать пять при твор, пять чювств телесных, иже сугубыми орудии... Два бо есть ока, два уха, две ноздри, две руще... и два еста язык с гортанью вкушения орудия. В сих претворах лежат чювства угождающие и работающие плоти, болящие суть, страсти своими побеждаемии»* [10, с.167-168].

В.Попов заметил: *«учители его [Симеона Полоцкого] витали в области отвлеченных, схоластически – богословских созерцаний, в его проповедном слове преобладает нравственно – практическое направле-*

ние, а, благодаря влиянию московской среды, в его проповедь превзошел...элемент современности» [7, с.98].

Тем не менее, схоластические элементы могут быть выявлены в проповедях Полоцкого, например, в «Слове первом в неделю девятую по сошествии Святаго Духа» автор использует развернутое сравнение: «Мир сей многмятежный, присноволнующемуся подобен есть морю... море есть родително облаков, тучь и ветров, тако мир рождает облаки согрешений, тучи злоб и ветры гонения и искушения» [10, с.171]. При этом текст изобилует древнерусской формулой «обращения к авторитету»: «Чего ради Иоанн святыи богослов о нем глаголет: мир весь во зле лежит. Иов же праведный повествует: искушение есть житие чело-веческое на земли... море подражает луну, по свидетельству Аристотелю... Подобие мир подражает Имармену или счастье, сему бе растущу и множащуся растет и множитя честь и слава человеку» [10, с.171]. Цитация придает научный тон и свидетельствует о глубоких знаниях проповедника святоотеческих творений.

Несмотря на дух психологизма, автор соблюдает законы жанра и принцип отстранения. **В. Попов** же обвиняет Полоцкого в том, что его «слово страдает отсутствием теплоты чувства, без которой проповедь часто оказывается бряцающим кимвалом» [7, с.96].

Однако Симеон остается верен традиции древнерусской литературы, и стиль его проповедей – выражение его аскетических принципов. Тем не менее, как подчеркивает **В. Попов**, «в идеале Полоцкого светит иная искра, которой мы не встречаем у древних проповедников русских: это мысль о науке как факторе общественной жизни» [7, с.59].

Проповеди Симеона не могут быть охарактеризованы как риторическое упражнение, хотя в них соблюдается структура: приступ, предложение, исследование, приложение, заключение. Без сомнения, проповедям Полоцкого свойственна аллегоричность, но назвать их формально – логическими или диалектическими – софистическими нельзя.

Проповедь Симеона не была игрой в понятия, как проповеди схоластов, где «степень занимательности (но никак не душеполезности) зависела от находчивости и остроумия проповедника» [1, с.63]. Показательно, что в проповедях теоретик отстает от многих принципов барочной поэтики.

Симеон Полоцкий обращается к составлению всех видов проповедей: омилии, слову, катехизическому поучению, публицистической проповеди. Однако омилия совмещается со словом, последнее же преобладает в гомилетике Симеона.

Удачным видится обобщение прот. **А. Ветелева**: «Стиль проповедей у Симеона достаточно прост, чужд вычурности. Конструкции речи естественные и удобоприятные. Мысль каждого поучения высказывается в приступе определенно, нет ни бесцельных отступлений в сторону, ни искусственных приложений. Сухим абстракциям, особенно затруднительным для понимания на слух, Полоцкий предпочитает описания и рассказы, которые наглядно представляют мысль...»

Проповеди иеромонаха Симеона были замечательным произведением в свою эпоху, а многие из них в настоящее время могут быть пригодны для проповедников» [1, с.85-86].

Л.В. Левшун определила метод Симеона Полоцкого как «анализ обратной типологии», раскрыв его как «нарративную амплификацию» [5, с.330]. Целесообразно переформулировать следующим образом: манера Симеона Полоцкого состояла в том, чтобы «сказать все, что знаешь, думаешь и можешь придумать о данном предмете» в соответствии с ценностью сообщаемого.

В результате были сделаны следующие выводы: прозу Симеона Полоцкого следует рассматривать в контексте системы, организованной московской «Риторикой Макария» (1620г.) и новгородской «Риторикой Усачева» (1699г.). Проза Симеона литургична, сохраняет молитвенность и исповедность, в некоторой мере теогоностична, спасительна (автор чтит традицию церковной словесности), без сомнения, поучительна и обращена к еще не утраченному соборному сознанию. Прозаический текст, риторически осмысленный, часто воспринимался как действие.

Как отмечает **В.А. Никитин**, в 17 веке «достигалось не столько соединение искусств в единое целое, сколько размывание границ отдельных искусств, их «диффузия». Возникло «иллюзорное искусство», «искусство подобия» в противоположность «искусству священному, литургическому» [8, с.219]. По мнению **М.М. Дунаева**, это было следствие «внутренней усталости, ибо человеку трудно выдерживать длительное напряжение духовных сил... Неизбежно наступает расслабленность, успокоение, обманчивое состояние пребывания в полноте веры» [2, с.86].

Западноевропейский человек, вступив в эпоху барокко, остается человеком душевным (тем, у кого есть душа и тело, но кто не стяжал Святого Духа), так и не став человеком духовным (тем, который имеет в себе действие Святого Духа). Русский человек 17 века, храня душевное и духовное, должен был не только сбегать эту гармонию, но и соединить просвещением рассудка с просвещением ума.

В настоящей статье акцент сделан на проповеди Симеона Полоцкого. Целесообразно проследить приращение структуры проповеди в поэзии и драматургии Полоцкого, а также проанализировать полемические трактаты Симеона.

Источники и литература

1. Протоиерей Ветелев В. Учебный курс по истории проповедничества в Русской православной Церкви. – Загорск: Троице-Сергиева Лавра, 1990. – 60с.

2. Дунаев М.М. Своеобразие русской религиозной живописи. Очерки русской культуры 12 – 20 вв. – М.: «Филология», 1997. – 324с.
3. Концевич И.М. Стяжание Духа Святого в путях Древней Руси. – М.: «Лепта», 2002. – 232с.
4. Лахманн Р. Демонтаж красноречия. Риторическая традиция и понятие поэтического. – СПб.: «Академический проект», 2001. – 368с.
5. Левшун Л.В. История восточнославянского книжного слова 11 – 17 вв. – Минск: Экономпресс, 2001. – 352с.
6. Майков Л.Н. Очерки из истории русской литературы 17-18 ст. – СПб., 1889. – 424с.
7. Попов В. Симеон Полоцкий как проповедник. – М., 1886. – 109с.
8. Православие и искусство: Опыт библиографического исследования/ Сост. Данилова Е.В., Новиков Д.В. – М.: Воениздат, 1994. – 248с.
9. Симеон Полоцкий. Вечеря душевная. М.: Верхняя типография, 1683.
10. Симеон Полоцкий (1629-1680) // Памятники философской мысли Белоруссии 17-1-й половины 18 в. / Под ред. Майхрович А.С. и др. – Минск: Навука и тэхніка, 1991. – 318с. – С. 164 – 173.
11. Смолич И.К. Русское монашество 988 – 1917. – М.: Крутицкое патриаршее подворье, 1999. – 687с.
12. Архиепископ Аверкий (Таушев). Руководство по гомилетике. – М.: ПСТБИ, 2001. – 144с.

В статье рассматривается своеобразие жанра проповеди и определяется ее место в прозаическом творчестве Симеона Полоцкого. Особое внимание уделяется риторической культуре России 17 века, в пределах которой анализируется творческий метод Симеона Полоцкого – ярчайшего представителя эпохи русского барокко.

The article is devoted to peculiarity of genre of homily and revelation of its` position in the prose creation by Simeon Polocky. Special attention is given to rhetorical culture within creative method of the Russian baroque representative – Simeon Polocky – is analyzed.

УДК: 252. 8: 7. 034. 7 + 821. 161. 1 / «16».

Ключевые слова: барокко, гомилетика, «двойная культура», проповедь, просвещение.